

Высота полёта «Белого вертолёта» Херманиса с Барышниковым на борту

Михаил Барышников в роли папы римского Бенедикта XVI

Размышления о спектакле Алвиса Херманиса «Белый вертолёт»

«И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого».

Молитва «Отче наш»

«День как gloria бытия кончился».

Айвар Нейбарт

Семнадцать версий Херманиса, или Искушение от лукавого

Режиссёр спектакля «Белый вертолёт» Алвис Херманис, словно библейский змей-искуситель, ввёл в искушение театральную паству, сказав за неделю до премьеры, что у него есть 17 версий того, почему папа римский Бенедикт XVI отрёкся от престола.

Эти «17 версий Херманиса», как в своё время «17 мгновений весны», ввели зрителей в очень сильное искушение. И все, что было написано и сказано потом о спектакле Нового Рижского театра (НРТ), крутилось вокруг этих «17 версий Херманиса», смакуя каждую версию, будто голодный Чарли Чаплин обсасывал каждый гвоздик из подошвы своих варёных кожаных ботинок в фильме «Золотая лихорадка».

А «золотая лихорадка» действительно началась: билеты на все 10 спектаклей с суперзвездой Михаилом Барышниковым в роли Бенедикта XVI, были раскуплены в интернете за 4 минуты после начала продажи. Прежний рекорд спектакля Херманиса «Бродский/Барышников» равный 15 минутам был легко побит! Однако не надо забывать, как заметил сам режиссёр, что количество мест в зале, где летал «Белый вертолёт», было в два раза меньше из-за ремонта здания НРТ, чем в зале того же театра, где состоялась премьера «Бродский/Барышников». Как писал Венедикт Ерофеев: «Первое издание «Москва-Петушки», благо было в одном экземпляре, быстро разошлось».

Но самый главный вопрос для меня заключался вовсе не в 4-х минутах продажи билетов, и даже не в 17-ти версиях отречения Бенедикта XVI от престола, а действительно ли «Белый вертолёт» Херманиса с той же суперзвездой на борту поднялся на высоту, превосходящую спектакль «Бродский/Барышников»? Коротче говоря, какова высота полёта «Белого вертолёта» Херманиса с Барышниковым на борту?

Премьера спектакля «Белый вертолёт»

Зритель входит в зал и видит на занавесе копию фрески Луки Синьорелли из капеллы Сан-Брицио собора в Орвието «История святого Бенедикта». Св. Бенедикт был реформатором западноевропейского монашества. Может быть, кардинал Ратцингер, когда был избран папой римским, взял себе имя Бенедикт XVI, желая тоже быть реформатором, как его далёкий тёзка? Что из этого получилось — видно из спектакля. В небольшой рецензии невозможно описать все сцены спектакля, поэтому посмотрим только некоторые.

«Пробуждение папы» и «Превращение» Барышникова

Занавес начинает смещаться вправо, и святые лица на фреске Синьорелли превращаются в складки времени, а ты начинаешь про себя читать стихи Бродского:

*«Мир состоит из наготы и складок,
в последних правды больше, чем в лицах...»*

Мы видим спальню папы, где в круге света на полу, спиной к зрителям, свернувшись калачиком, как зародыш в утробе матери, лежит человек в белых одеждах. Человек спит и видит беспокойный сон: гильотина пронесится над его головой, судороги охватывают его, он вздрагивает во сне, как будто под ударами тока.

Что ему приснилось? Разговор с Господом, спрашивающим его: почему ты хочешь отречься от престола? Почему не хочешь быть наместником Господа на Земле?

Это первая сцена «Пробуждение папы», которую исполняет пластичный Барышников. А с какой же ещё сцены режиссёру начинать спектакль, как не

с движений актёра, если твой актёр — выдающийся танцовщик?.. Видя судороги пробуждения папы в исполнении Михаила Барышникова, мне вспомнилась его первая драматическая роль, сыгранная на Бродвее с подачи Романа Поланского — Грегор Замза в спектакле по рассказу Франца Кафки «Превращение»: *«Пронувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое».*

Затем Барышников, папа римский Бенедикт XVI, перебирается на кровать, потом с трудом встаёт, с трудом взбирается на велосипед-тренажёр, с трудом два раза поворачивает педали и в изнеможении падает на постель. Он стар, ему 86 лет!

День первый: воскресенье 10 февраля 2013 года. Папа говорит личному секретарю Георгу и сестре Табиане, что завтра объявит кардиналам о своём отречении.

Три разных героя, три разных походки в трёх разных направлениях

Приходит экономка понтифика, сестра Табиана (Гуна Зариня) во всём сером и начинается процесс одевания папы римского во все белое, в белые одежды. Затем появляется личный секретарь Бенедикта XVI Георг Генсвайн (его играет Каспарс Знотиньш) во всём чёрном. Экономка и секретарь — два самых близких к Бенедикту XVI человека — полные противоположности во всём: пол, возраст, цвет одежды, мысли, походка и, самое главное, энергетика. Их характеры и поведение очерчены режиссёром в спектакле очень точно.

Сестра Табиана — олицетворение уходящего мира, она архаична и не потому, что она ровесница папы, а потому что у неё менталитет прошлого, основанный на вере в Господа и на беззаветной преданности папе.

Личный секретарь папы Георг — олицетворение будущего: быстрый, деловой, современный, «википедийный». Библия XXI века — Википедия, в неё сегодня верят большинство людей, и заглядывают в неё чаще, чем в Библию!

Различия между двумя самыми близкими к папе людьми особенно сильно подчёркивают их движения и походки: у сестры Табианы — маленькие, семенившие шажки в ортопедической обуви, у личного секретаря Генсвайна — стремительная, спортивная походка человека, знающего чего он хочет и куда идёт в чёрных туфлях последней модели. Пристальное внимание Херманиса к выражению характера героя через движение особенно чётко проявилось в спектакле «Бродский/Барышников», в танцах в японском стиле будто, когда режиссер начал работать с Барышниковым, с его пластикой.

Роберт Уилсон говорит: *«Все, о чём думают актёры, — это как интерпретировать текст. Они беспокоятся о том, как говорить слова, но совершенно ничего не знают о собственном теле. Это можно увидеть по тому, как они ходят».*

Херманис воспринял эти слова старшего коллеги очень серьёзно: в «Белом вертолёте» три разных персонажа, три разных походки в трёх разных направ-

лениях. Походка каждого из героев настолько характерна, что актёры могли бы играть спектакль без слов — только двигаясь на сцене.

Подарки от гостей

Входит секретарь и докладывает, что пилигримы привезли подарки. Шоколадное яйцо весом 40 кг, бочонок баварского пива и более интересный подарок — самую маленькую в мире Библию, входящую в книгу рекордов Гиннеса, которую читать можно только под микроскопом. Секретарь вкатывает столик на колёсиках, на нём микроскоп, а под микроскопом Библия. Бенедикт смотрит в микроскоп правым глазом, левым глазом, но ничего не видит. Подходит секретарь Георг, тоже смотрит в микроскоп, что-то видит, но не чётко. Настаёт очередь сестры Табианы в очках с толстыми линзами: она долго смотрит в микроскоп, делает неловкое движение, и микроскопическая Библия падает на пол. Табиана нагибается, шарит по полу рукой, пытаясь найти Библию, пытаясь найти веру.

Вообще, весь спектакль, как тонкое кружево, соткан из таких театральных этюдов и метафор, только этюды видны, а метафоры надо суметь разглядеть, как страницы маленькой Библии под микроскопом. Когда в круге света Барышников исполняет пластичные молитвы-пантомимы, то зритель понимает, что Бенедикт находится под микроскопом Господа, папа не бывает один, он всегда под оком Всевышнего.

Примером метафоры, первым делом приходящей в голову, является «Белый вертолёт», взлетевший в конце спектакля над площадью Святого Петра, как метафора белого флага над Ватиканом: Бенедикт XVI — сдался, он выбросил белый флаг, он капитулировал!

Если всё так просто, то можно было бы и не ставить спектакль.

Игрушечный вертолёт и беззащитность Европы

В открытую балконную дверь спальни папы влетает игрушечный дрон-вертолёт и в спальню прибегают охранники папы — молодые швейцарские гвардейцы, испокон веков охраняющие всех римских пап. Они как маленькие дети машут руками и ловят вертолёт. Извиняются перед папой и убегают. Оказывается, что охранники развлекаются и запускают игрушечный дрон-вертолёт. Секретарь папы говорит им укоризненным голосом, как нашкодившим школьникам: «Мальчики, играйте где-нибудь в другом месте!..» Эта сцена метафорична, как и весь спектакль: с одной стороны, игрушечный дрон-вертолёт является предвестником настоящего «Белого вертолёта», на котором Бенедикт вскоре покинет Ватикан. С другой стороны, грозные швейцарские гвардейцы, охранявшие папский трон столетиями, превратились в XXI веке вместе со своими бутафорскими секирами в игривых мальчиков: они запускают игрушечные модели и охраняют уже не папу римского, а родные швейцарские сейфы с сомнительными деньгами. Швейцарские гвардейцы с бутафорскими секирами — ещё одна ме-

тафора вырождения и незащитности Европы, её неспособности защитить себя от кризисов: политического, финансового, экологического, демографического, иммигрантского.

Молитва последнего дня, или «День как gloria бытия кончился»

Последний день Бенедикта XVI на папском престоле 28 февраля 2013 года подходит к концу. Папа достаёт из-под кровати, судя по всему, давно припрятанную клетчатую сумку с гражданской одеждой. С такими сумками наши челноки ездили когда-то в Китай или Турцию за шмотками, и папа римский начинает быстро переодеваться. Сцена эта и трагична, и комична, и метафорична, как, впрочем, всё у Херманиса.

Сцена трагична и эпохальна, поскольку на наших глазах происходит впервые за 700 лет папской истории добровольное отречение человека от власти над 1 миллиардом 200 миллионами других людей, католиков, разбросанных по всему миру. Сцена комична несоответствием клетчатой челночной сумки и папы римского: где понтифик — почти на небесах, и где челноки — на всех вокзалах мира. Папа сбрасывает красные туфли «Prada», быстро надевает рубашку, костюм, чёрные мокасины, шляпу и превращается в обыкновенного немецкого бюргера-пенсионера. Сцена метафорична быстрым превращением папы римского в простого смертного (вспомните «Превращение» Барышникова в спектакле по рассказу Кафки), а главное — мгновенное и самостоятельное переодевание! Без помощи сестры Табианы, когда она помогала папе в первой сцене спектакля медленно и с большим трудом надевать на себя белые одежды понтифика.

У «латышского Бродского» — Айвара Нейбарта, к сожалению, почти не переведённого, а может быть, и непереводаемого на русский язык, есть строка: «*День как gloria бытия кончился*» (перевод Василия Карасева).

«Глория» (лат. gloria) — означает «слава». Именно в этом значении слово «gloria» употребляется в молитве «Отче наш»: „Quia tuum est regnum, et potestas, et gloria in saecula“. «Ибо Твое есть Царство и сила, и слава во веки».

Подставим первое значение слова «gloria» («слава») в строку Нейбарта и получим: «*День как слава бытия кончился*». Но у слова «gloria» есть и второе значение, которое точнее подходит к последнему дню пребывания Йозефа Ратцингера на папском престоле: gloria — древний христианский богослужебный гимн, доксология, входящая в состав католической мессы латинского обряда под названием «Gloria in excelsis Deo» («Слава в вышних Богу»). Соединим строку Нейбарта со строкой гимна в католической мессе и получим «Молитву последнего дня» Бенедикта XVI: «*День как слава бытия кончился. Слава в вышних Богу*».

День последний папы римского Бенедикта XVI (четверг 28 февраля 2013 года) и весь спектакль закончился, как мне слышалось, древним христианским богослужебным гимном gloria, заглушаемым мощным шумом винтов, улетающего из Ватикана белого вертолёт.

*Личный секретарь Бенедикта XVI Георг Генсвайн (Каспарс Знотиньш),
папа римский Бенедикт XVI (Михаил Барышников)*

Игра актёров

Профессионализм актёра — это точность, с которой он осуществляет замысел режиссёра. В этом отношении все три актёра — Каспарс Знотиньш, Гуна Зариня и Михаил Барышников — профессионалы высшего класса. Последнее утверждение было бы банальностью, если бы не один вопрос: чем игра высококлассных актёров отличается друг от друга?

Каспарс Знотиньш и Гуна Зариня — драматические актёры по рождению, по их генетике, по ДНК. Они настолько универсальны, что могут сыграть любую роль.

Знотиньш, по-моему, может сыграть и короля Лира, и телефонную книгу старой Риги.

Георг Генсвайн, личный секретарь папы, в исполнении Знотиньша показался мне чересчур деловым и активным, создаётся впечатление, что Ватиканом управляет он, а не усталый папа Бенедикт XVI. Но, возможно, так оно и было, судя по тому, что сегодняшний папа Франциск недавно отказался от услуг личного секретаря Бенедикта XVI.

Если у личного секретаря папы есть реальный прототип — Георг Генсвайн, то прототипом сестры Табианы является польская монахиня, которая была самым близким человеком к Иоанну Павлу II, но в жизни Бенедикта XVI такой монахини не существовало, она выдумана автором пьесы Херманисом. В подобной выдумке нет ничего странного, кроме одного обстоятельства: Зариня, в отличие от Знотиньша, играет не историческую персону, а несуществующее в реальности лицо, фанатично преданную папе сестру Табиану. У актрисы, играющей несуще-

ствующую героиню, больше пространства и свободы для игры и фантазии, чем у актёра играющего образ реального героя. И Зариня играет сестру Табиану потрясающе убедительно: каждый из её мелких шажков выверен до миллиметра, поднятые к небу и Богу руки потом опускаются на голову папы Бенедикта XVI, а её лепет и причитания к главной католической святыне Польши: «Матка боска», «Матка боска», вводят зрителей в религиозный экстаз.

В отличие от своих коллег, Барышников по рождению не драматический актёр, он пришёл «из другой епархии» — епархии балета и танца, у него другая генетика, чем у его партнёров по спектаклю. Барышников играет папу римского Бенедикта XVI, ведущего теолога современности, очень уважительно, сдержанно и глубоко. Многие критики отмечают внешнее сходство Михаила Барышникова и Йозефа Ратцингера, но важнее то, что у Барышникова и Ратцингера не только внешнее, а более сильное внутреннее сходство.

Они оба из семей военных, где воспитание в детстве было основано на жёсткой дисциплине и порядке. А как писал один военный французский лётчик: «*Все мы родом из детства*», и шлейф детства тянется за нами до конца жизни, как след от самолёта.

Они оба совершили в жизни судьбоносный поступок: Барышников — прыжок через Атлантический океан, а Ратцингер — прыжок через 700 лет папской истории.

Они оба верят. Папа верит в Господа. Барышников верит в искусство, в его миссию, в то, что своими спектаклями он может хотя бы немного повлиять на взгляды людей и на их поведение в жизни. Если бы не верил, то не играл бы в спектаклях. В сущности, спектакль о том же самом — о вере и неверии.

Барышников играет во многом «самого себя», играет человека, близкого ему по ключевым моментам жизни. И эта близость актёра и героя позволяет Барышникову не играть Ратцингера, а жить его жизнью. Поэтому Барышников не играет в спектакле «Белый вертолёт», а живёт в нём — так же как он жил в спектакле «Бродский/Барышников» рядом с очень близким ему человеком.

Режиссёр и актёр сделали совместно два спектакля. У автора есть 17 версий того, какой будет следующий спектакль Алвиса Херманиса с Михаилом Барышниковым.

Фотографии Яниса Дейнатса (предоставлены автором)

Марк Яковлев (лит. псевдоним Якова Марголиса) — литератор, автор книг, изданных на русском, немецком и английском языках. Книга стихотворений «*Отошедший берег*» вышла в издательстве «Парус», Самара, 2000. В 2014 году вышла книга «*Две пьесы на трёх языках*»: о дважды жене Ремарка и о картине Климта «Золотая Адель». В издательстве АСТ вышли две книги: книга биографических эссе «*Бродский и судьбы трёх женщин*» (2017) и книга путешествий «*Одиссея кота Бродского*» (2019). Готовятся к изданию книги: «*Литературные портреты творческих людей*», «*Херманис/Барышников — два спектакля*».